

Соколов Валерий Анатольевич

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РУССКОГО ВОПРОСА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

23.00.02 – политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии
(политические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Ростов-на-Дону – 2005

Работа выполнена на кафедре политических институтов
и процессов факультета социологии и политологии
Ростовского государственного университета

Научный руководитель доктор философских наук, профессор,
Верещагин Виктор Юрьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Ерыгин Александр Николаевич,
доктор политических наук, профессор
Хоперская Лариса Львовна

Ведущая организация: **Санкт-Петербургская Кафедра философии
Российской академии наук**

Защита состоится 27 октября 2005 года в 13-00 часов на заседании диссертационного совета К 212 208 01 по политическим наукам при Ростовском государственном университете по адресу 344013, г. Ростов-на-Дону, проспект Нагибина 13, ауд. 302

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ростовского государственного университета (г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148)

Автореферат разослан 26 сентября 2005 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Рябцев В.Н.

2006-4
14966

2178960

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Широкая полемика вокруг русского вопроса началась еще в начале 80-х гг. XX столетия, когда перестройка и эпоха гласности сняли существовавшие запреты на открытое обсуждение этой темы в рамках советского мировоззренческого поля. Своеобразным символом русского ренессанса тогда стало неоднородное по составу движение «Память», содержавшее в себе, как в «идеологическом инкубаторе», важнейшие направления национал-патриотической мысли. Однако вскоре в большинстве интерпретаций русский вопрос приобрел «оборонный» характер и вооружился грозной приставкой «анти» – антиамериканизм, антилиберализм, антикатолицизм, антисемитизм и т.д. Во многом это была реакция на экспансию механически заимствованных из-за рубежа либерально-демократических концепций, унифицирующих национальную культуру, традиции, самобытность, а не проявление какого-то якобы врожденного у русских патологического комплекса, касающегося переадресовки ответственности на других, желания найти виноватого¹.

Как следствие, в 1990 г. проявилась другая парадоксальная закономерность: чем более национал-патриоты подвергались остракизму и уничижительной критике со стороны космополитов, тем с большей готовностью и воодушевлением их поддерживали народные массы. В ответ на попытку масштабной дискредитации патриотического движения под предлогом борьбы с фашизмом и политическим экстремизмом произошел резкий всплеск русского национального самосознания и этатизма. Своеобразным апогеем этого процесса стало избрание в 2000 г. «сильного президента» В. Путина и «красно-коричневые» выборы в Госдуму в 2003 г.

Несмотря на очевидные симпатии подавляющего большинства населения к национал-патриотам, «правое» крыло политического спектра (СПС, «Яблоко»), поддерживаемое влиятельными олигархами, продолжает отрицать право русских на свободу государственного самоопределения, настаивает на нелегитимности самой

¹ Лакер У. Черная сотня. Рождение русского фашизма. М., 1994 С. 158.

постановки русского вопроса, демонстрируя, тем самым, полное пренебрежение к принципам народной демократии. Указанный дуализм (национализм – космополитизм) не преодолен и до настоящего времени, так как политическое руководство России продолжает балансировать между двумя противоположностями, пытаясь объединить их в доктрине «национал-либерализма». Подобный подход не устраивает обе оппонирующие стороны. Патриоты продолжают критиковать «антинародную власть», постепенно переходя в оппозицию. В свою очередь, либералы определяют нынешний политический режим как недемократичный, тоталитарный, преступный, а самого В. Путина все чаще сравнивают с авторитарными лидерами прошлого.

Отсутствие окончательной идеологической определенности и перманентная неспособность верховной власти на протяжении многих последних лет предложить последовательный общенациональный проект лишь усугубляют раскол в российском обществе, подталкивая оппонентов к более радикальным действиям. Растущая политизация населения опасна еще и тем, что может быть легко использована заинтересованными силами для инициирования в России управляемого кризиса (по типу «цветных революций» в Грузии и на Украине) в целях насильственной смены власти. Указанные обстоятельства вкупе с «угрозой 2008 года» еще более подтверждают потребность в осмыслении феномена русского вопроса в современной России, делают актуальным анализ причин его некомплементарности базовым установкам либерал-западнической политической парадигмы.

Степень научной разработанности проблемы. Политическое измерение русского вопроса нашло свое отражение в целом спектре научных и публицистических работ, в доктринальных документах большого количества политических партий и движений. Указанные источники с известной долей условности можно классифицировать по следующим направлениям:

а) *консервативное*, варьирующееся от признания узко православно-монархических (и соответственно во многом антисоветских) моделей политического устройства России до синтеза русского этнонационализма с наднациональной идеей империи («Великая Россия») в духе «национал-большевизма» и «консервативной револю-

ции» (В.Ю. Верещагин, С. Кара-Мурза, Ю. Крупнов, Т.П. Матяш, А.П. Паршев, Д. Rogozin, А.Н. Савельев, Е.С. Троицкий, А.И. Уткин, И.Р. Шафаревич, В.В. Черноус и др.);

б) *неоевразийское*, в целом воспроизводящее логику царско-советского «диалектического этатизма» русских, однако с поправкой на определяющее влияние пространственного (геополитического) фактора, который во многом детерминирует этнорелигиозную и социокультурную специфику народов (Г.Б. Гавриш, К.С. Гаджиев, А.Г. Дугин, В.В. Кожин, А.И. Овчинников, И.Б. Орлова, А.С. Парнин, В.Л. Петров, А. Проханов и др.);

в) *узкоэтническое*, настаивающее на «принципе крови» как важнейшем факторе самоидентификации и консолидации русского народа, что предусматривает трансформацию нынешней Российской Федерации, декларативно объявленной многонациональной, в моноэтническое государство русских с жесткой политикой в отношении «иностранцев» (А. Баркашов, А. Вдовин, В. Величко, А. Корешкин, Е. Логвинов, И. Павлов, А. Севастьянов и др.);

г) *национал-либеральное*, обосновывающее возможность существования в России сильного государства либерально-демократического типа без угрозы для национальной самобытности русских и других «коренных народов» (Р. Абдулатипов, С.Д. Валентей, С.И. Каспэ, М. Колеров, М. Леонтьев, В. Мау, Н.М. Мириханов, Г. Павловский, А. Улюкаев и др.);

д) *либерал-западническое*, категорически отрицающее ценность национально-политической самобытности русских, отождествляемой с шовинизмом, ксенофобией, ренегатством, фашизмом и т.д., видящее в ней основную преграду дальнейшей модернизации России, рассматривающее в качестве единственного образца и ориентира любых преобразований исключительно Запад в лице его космополитических элит (А. Боровой, А. Верховский, Е.Т. Гайдар, Е. Михайловская, Э.А. Паин, В. Прибыловский, Е. Прошечкин, В. Ходорковский, А. Чубайс, А. Яковлев, А. Янов и др.).

Отдельным блоком можно выделить программные и уставные документы российских политических партий и общественно-политических движений, а также публикации и выступления в СМИ их лидеров, которые содержат различные, зачастую прямо противоположные проекты легитимации русского вопроса («Единая Россия», «Ро-

дина», КПРФ, ЛДПР, Народная партия России, «Евразия», СПС, «Яблоко», НБП, РНЕ, Русское национально-освободительное движение, политизированные группировки «скинхедов», неоязычников и др.).

Вместе с тем опыт объективной деконструкции русского вопроса, свободной от партийной ангажированности, опыт выявления и описания его внутренней институционально-политической структуры остается до конца не востребованным, что придает заявленной теме исследования проблемный характер.

Предмет диссертационного исследования составляет национальное измерение современного российского политического процесса.

Объектом диссертационного исследования является политическая институционализация русской национальной идентичности.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в выявлении институционально-политических черт русского народа, теоретической реконструкции основных проектов их легитимации (делегитимации) и соответствующих форм партийной институционализации в современной России.

Для достижения поставленной цели в рамках диссертации решаются следующие задачи.

- выявить факторы, под влиянием которых происходило становление русских как государствообразующей нации, описать присущие им самобытные цивилизационные черты, значимые с политологической точки зрения;

- выделить и с компаративистских позиций проанализировать основные теоретические проекты легитимации и делегитимации русского вопроса в постсоветской России;

- проанализировать взаимосвязь либерально-демократических преобразований в постсоветской России с доминированием конкретных типов политической легитимации (делегитимации) русского вопроса;

- критически оценить национально-патриотическую идентификацию русского вопроса;

- охарактеризовать основные формы реализации евразийского проекта интеграции этнонациональных интересов в современном российском политическом дискурсе.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

– выявлены институционально-политические черты русских как государствообразующей нации;

– систематизированы основные теоретические проекты легитимации русского вопроса в современном российском политическом процессе, осуществлен их компаративистский анализ;

– дана характеристика феномена политической русофобии как проекта делегитимации русского вопроса, проанализирована его взаимосвязь с российскими либерально-демократическими трансформациями;

– показана амбивалентная институционализация различных проектов политической легитимации русского вопроса в деятельности национально-патриотических партий и движений;

– определены основные формы и источники евразийской интеграции этнонациональных интересов в современной России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русские как государствообразующая нация сформировались в условиях полиэтничности, освоения огромных континентальных пространств и цивилизационного влияния византийского православия, что привело к появлению таких институционально-политических черт, как вера в особое историческое предназначение (мессианство), сухопутная геополитическая ориентация, идеократический тип государственности, имперская модель политической интеграции этносов. В синхронической перспективе противоречивая история России представляет собой диалектическое развертывание русским народом разнообразных, но строго соответствующих выделенным константам, политико-правовых форм.

2. Основные концептуальные проекты легитимации русского вопроса могут быть классифицированы по степени их конгруэнтности выделенным институционально-политическим признакам русского народа:

– гражданский национализм (россиянство) предполагает осмысление постсоветской России в западном либерал-этатистском ключе: народ рассматривается как совокупность граждан-индивидов, организованных в государство-нацию;

– этнический национализм (Россия для русских!) отказывается от реализации любых цивилизационных мегапроектов, акцентирует племенное, расовое единство народа, на основе которого над-

лсжит трансформировать многонациональную Российскую Федерацию в моноэтническое русское государство, государство-этнос;

– имперский национализм (Великая Россия), имея множество модификаций, рассматривает возможность дальнейшего существования русского народа только в рамках «государства-империи», свразийского по своей геополитической ориентации и многонационального по этническому составу.

3. Доктрина политической русофобии представляет собой наиболее последовательную форму отрицания важнейших институционально-политических черт русского народа и направлена на делегитимизацию русского вопроса в современном российском политическом процессе. Источником русофобии является антинационально и космополитически настроенная часть политической элиты, ангажированная мондиалистским мироощущением и предчувствием нового мирового порядка под управлением транснациональных политико-правовых структур.

4. Гражданский (либеральный) национализм и политическая русофобия, по сути, представляют собой единый проект, направленный на ликвидацию традиционной российской национал-имперской государственности, взамен которой предполагается окончательно разрушить органическое единство русского народа и превратить его в государство-нацию западноевропейского образца. В этом контексте русские этнонационалистические (нацистские) концепции обретения идентичности, неизбежно провоцирующие межплеменные конфликты на постсоветском пространстве, являются естественными союзниками политической русофобии, т.к. способствуют ослаблению и окончательному демонтажу российской государственности.

5. Партийная институционализация доктрины гражданского национализма (россиянство) актуализирована в деятельности «Единой России», в то время как все атрибуты политической русофобии сконцентрированы у СПС и «Яблока». Отсутствие сущностных парадигмальных различий между обоими полюсами опровергает тезис о возможности реальной оппозиции «партии власти» в ее нынешнем виде со стороны правого сегмента политического спектра

6. Национально-патриотическая идентификация современных российских общественно-политических объединений носит амбивалентный характер и основывается на реализации двух взаимоисключа-

чающих моделей легитимации русского вопроса – этнонациональной (Русское национальное единство, Народная национальная партия, Русское национально-освободительное движение, Русская национальная социалистическая партия, Партия свободы, движение «скинхедов», политизированные неоязыческие группировки) и национал-имперской (международный конгресс русских общин, избирательный блок «Родина», Народная партия России, Либерально-демократическая партия России, Национал-большевистская партия и др.).

7. Евразийская интеграция этнонациональных интересов, следующая формуле имперского национализма, наиболее характерно представлена в политической практике Международного евразийского движения – преемника общероссийской партии и ОПОД «Евразия». Справа такая интерпретация русского вопроса вплотную смыкается с «Родиной», а слева с КПРФ и НБП. Исключение составляет спекулятивная эксплуатация евразийского дискурса для пропаганды панисламистских и пантюркистских идей, имеющая в своей основе этнорелигиозную и этнонациональную парадигму (евразийские партстроительные инициативы А.В. Ниязова).

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Диссертационное исследование основано на диалектической парадигмальной методологии. Активно используются такие общенаучные методы, как системно-структурный, компаративистский, институционально-политический. На основе рационального синтеза сочетаются прикладные методики геополитики, конфликтологии, политологии, социологии, истории.

Теоретической основой диссертации являются источники современного российского политического консерватизма (А.Н. Савельев, И.Р. Шафаревич, В.В. Кожин) и неоевразийства (А.Г. Дугин, А.С. Панарин).

Научно-теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования углубляют представления о политическом измерении русского вопроса в современной России, вскрывают основные типы его политической легитимации (делегитимации) и институционализации в деятельности партий и других общественно-политических объединений. Выводы диссертации могут представлять практический интерес для субъектов и участников российского политического процесса, сотрудников государственных

органов (Администрации Президента РФ, Федерального Собрания РФ, МВД, ФСБ), занимающихся противодействием политическому экстремизму. Отдельные положения диссертации могут быть использованы при подготовке учебно-методических материалов, чтения лекционных курсов, занятия в «проблемных» научных кружках по политологии, социологии, истории политических учений, геополитике, этнологии и конфликтологии.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертации рассматривались на четырех международных и всероссийских конференциях. Основные выводы работы отражены в трех публикациях общим объемом 1,5 п.л.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политических институтов и процессов факультета социологии и политологии Ростовского государственного университета

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, а также избранной автором логикой изложения материала и включает в себя введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, оценивается степень ее научной разработанности, определяются цели и задачи, рассматривается методологическая основа, формулируются положения, выносимые на защиту, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, приводятся сведения об апробации его результатов.

В первой главе «**Русский народ как субъект политического процесса (теоретико-методологические аспекты)**», состоящей из трех параграфов, на основе философско-политического анализа генезиса и эволюции российской государственности выделяются базовые институционально-политические признаки русской нации, через конгруэнтность которым описываются модели политической легитимации и делегитимации русского вопроса в постсоветской России.

В первом параграфе «*Русские как государствообразующая нация*» предпринимается попытка описать присущие русскому народу самобытные цивилизационные черты, предопределившие формирование особого типа геополитической идентификации, мессианской религиозности, идеократической государственности и имперской политико-правовой ментальности.

Автор показывает, что рассмотрение русского вопроса может быть осуществлено в двух различных системах координат, соответствующих альтернативным подходам к определению понятия нация – французскому и немецкому. В первом случае (французская модель) нация практически полностью отождествляется с государством, а народ – с суммой граждан этого государства. В такой интерпретации важнейшие институциональные признаки нации легко описываются формально-правовым языком в диахронической последовательности, что ведет к метафоризации данного определения, принятого современным международным (публичным) правом. Немецкая модель, напротив, предполагает, что бытие народа берет свое начало за многие сотни или даже тысячи лет до формирования государственности. Как следствие, осмыслить природу нации, выявить ее скрепляющие, несущие конструкции, не выходя за рамки сугубо формального подхода, невозможно. Чтобы понять «народный дух» (Г. Гердер), необходимо обратиться к более широкому историческому, социокультурному, религиозному и философскому контексту, взглянуть на предмет исследования в синхронической перспективе.

В связи с этим диссертант выделяет три группы факторов, под воздействием которых происходило изначальное формирование русской ментальности и которые не утратили своей значимости в процессе создания и эволюции российской государственности на последующих исторических этапах

1 Полиэтничность происхождения русских Этническая матрица будущей русской государственности изначально была многонациональной. Хотя относительно происхождения русских из славян существует множество гипотез, большинство исследователей соглашались в том, что русские – это преимущественно индоевропейский (славянский) народ со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных признаков. Русские с самого начала формировались как народ, сочетающий в себе оседлые (славянские) и кочевые (тюркские) черты. Это привело к возникновению уникального национального типа, в котором сложным образом перемешались динамичность и созерцательность, консерватизм и подвижность, почитание власти и стремление к воле. Поэтому русские стали своего рода «евразийскими римлянами» (А.Г. Дугин), осевым государствообразующим, цивилизационным народом с огромным интеграционным потенциалом, а не просто одним из локальных этносов. Русский народ никогда не двигался в узком русле национальной идеи в отличие от англичан, немцев, французов, японцев или даже китайцев. По выражению известного отечественного консервативного мыслителя В.В. Кожина, «разговоры о национальной идее – плод невежества, и на них, собственно, нет смысла ориентироваться. “России для русских” быть не может, не должно»². П.Я. Чаадаев в свое время писал, что для русских узки любые национальные идеи, так как Провидение поручило русским интересы человечества. Русские – уникальный народ, который смог определить судьбу континента, притом не навязывая ему своей национальной идеи. Россия никогда не была колониальной системой. Русский народ во многих отношениях жил хуже, чем другие народы. В служении целому континенту и тем самым всему миру не остается места для обеспечения собственного благосостояния, для чисто бытового устройства жизни. Отсюда весьма расхожее в литературе противопоставление понятий «народ» и «империя».

² Кожин В.В. У России нет и не может быть национальной идеи // Российское аналитическое обозрение 1998. № 7

2. *Органическая связь с окружающим географическим пространством.* Политическая целостность евразийского континентального пространства имеет для русской истории совершенно самостоятельное значение. По выражению известного англосаксонского геополитика Макиндера, Россия является главной сухопутной державой, которая наследует геополитическую миссию Рима, Империи Александра Великого, Чингисхана и т.д. Это «географическая ось истории», которая просто не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от внешних и проходящих факторов. Русский народ настолько связан с геополитической реальностью, что само пространство, его переживание, его осознание, его духовное восприятие сформировало психологию народа, став одним из главнейших определений его социокультурной и политической идентичности. Русские – сухопутный, континентальный, северно-евразийский народ, при этом культурная специфика нации такова, что ее душа максимально предрасположена к открытости, к осуществлению интегрирующей функции, к тонкому и глубинному процессу выработки особой материковой, евразийской общности. Культурный фактор является естественным дополнением чисто геополитической предопределенности России. Геополитическая миссия осознается на культурном уровне, и наоборот, культура осмысляет, оформляет и активизирует геополитический импульс. Пространство и культура – две важнейших составляющих русского народа как народа-имперостроителя по преимуществу.

3. *Принятие византийского православия* Яркое отличие русских, русской культуры – в их неразрывной связи с православием, точнее – с православным мироощущением, как бы вплетенным в сознание народа его вековым опытом. Русский национализм, понятый в его генетической связи с православием, реализуется как идея Божьей Правды на грешной земле. Православие указывает на этот идеал Правды, к которому нация обязана стремиться. Православная вера глубоко проникла в национальную психологию русских, сформировала особый культурный тип, который пережил и периоды охлаждения и формализации Церкви в века романовского правления и даже атеистические гонения. Православная идентичность русских затрагивает не только конфессиональную область, но и более широкий культурный тип византизма, который привился на Руси параллельно ее воцерковлению. Сам стиль русского религиозного созна-

ния до сих пор сохраняет в себе черты византизма, во многом утраченные и греками, и православными балканскими народами, много веков пребывавшими под турецким, мусульманским владычеством. На политическом уровне византизм проявился в перманентном избрании идеократических форм государственного управления страной

Путем последовательного осмысления феномена русской нации в ее взаимосвязи с диалектикой российской государственности автор доказывает, что в результате синхронического влияния выделенных факторов русские приобрели и в ходе своей национально-политической истории перманентно воспроизводили такие институционально-политические черты, как:

- мессианская, наднациональная, сверхисторическая идея, особое предназначение русских и русского государства в эсхатологической перспективе;

- имперская модель политической интеграции этносов;

- сухопутная геополитическая ориентация русского государства, стремящаяся к установлению контроля над центральной частью Евразии;

- идеократический тип русской государственности, культурного и политического контроля над осваиваемыми территориями.

Во втором параграфе «*Типы постсоветской легитимации русского вопроса*» осуществляется теоретико-методологическая реконструкция и компаративистский анализ основных подходов к интерпретации русского вопроса в современной России.

Политическая легитимация русского вопроса, а по сути, проблема интерпретации русского национализма на новом постсоветском этапе, носит амбивалентный и противоречивый характер. Отчасти это связано с критикой любых форм проявления русского национализма со стороны прозападных, либерально и космополитически ориентированных авторов, которые в духе доктрины «открытого общества» (К. Поппер, Дж. Сорос) ставят знак равенства между национализмом и тоталитаризмом (нацизмом, фашизмом, авторитаризмом и т.д.), сознательно подменяют и десемантизируют совершенно различные понятия. С другой стороны, амбивалентность постановки русского вопроса связана с многочисленными противоречиями внутри самого национал-патриотического крыла отечественных мыслителей. Стремясь упорядочить многообразие подходов к трактовке русского вопроса, диссертант предлагает за основу

новой типологизации взять степень их соответствия базовым институционально-политическим признакам русского народа, сформулированным в предыдущем параграфе. Таким образом, выделяются три основные теоретические модели легитимации русского вопроса в современной России: 1) гражданский национализм (россиянство), 2) этнический национализм (Россия для русских!), 3) имперский национализм (Великая Россия).

Гражданский национализм предполагает осмысление постсоветской России в западном либерал-этатистском ключе: народ рассматривается как совокупность граждан-индивидов, организованных в государство-нацию, целиком описываемую системой формально-правовых признаков. Гражданский (либеральный) национализм в настоящее время является одной из конвенциональных моделей, положенных в основу модернизации постсоветской государственности и нашедший свое отражение в Конституции РФ 1993 года. Его цели – формирование политической нации россиян, которые составят фундамент нового государства-нации. Власть попыталась пойти по западному пути строительства политической нации, в которой гражданско-государственная идентичность (российскость) превалирует над социокультурной и этнической, а зачастую и попросту отрицает последние. Диссертант делает вывод, что доктрина государства-нации применительно к русскому вопросу в современной России носит нигилистический характер, так как фактически направлена на преодоление социокультурного единства русских (русскости), их нивелирование в атомарных индивидов-россиян в духе либеральных политико-правовых воззрений. Идея государства-нации игнорирует такие институционально-политические черты русского народа, как особый, присущий ему тип имперской, идеократической государственности, опущение сверхисторического предназначения, религиозное мессианство. Кроме того, отрицание реальности этнокультурной гетерогенности России, которой противопоставляется химера гражданского общества, ведет не к гармонизации межнациональных взаимоотношений, а к сепаратизму и резкому всплеску конфликтности на национал-государственной почве. Попытка же заменить понятие «русскость», итак критикуемое националистами за излишнюю надэтничность, на «россиянство» ведет к увеличению дистанции между государством и народом, разрыву последних органических связей, сохранившихся в обществе, озна-

чает окончательный переход к профаническим, утилитарным, буржуазным социально-политическим моделям.

Краеугольным камнем этнонационалистической модели легитимации русского вопроса является тезис о том, что Россия в актуальных условиях – это моноэтническое государство, в котором более 80 % населения составляют этнические русские. Отсюда делаются как умеренные выводы, например, что русский этнос является коренным и имеет не меньше прав на земли и управление территориями, чем остальные народы, так выводы и радикальные, в духе требования установить эксклюзивный «русский порядок» путем отделения от России ранее колонизированных земель и выселения туда всех инородцев. Сторонники доктрины этнонационализма настаивают на трансформации Российской Федерации в моноэтническое русское государство, считая виновниками прошлых бед различные формы имперского политико-правового устройства и приводя в качестве примера социально-экономическое благополучие западноевропейских государств-наций. Русский этнонационализм, подобно концепции гражданского национализма, предполагает создание в России государства-нации, однако последняя в этом случае понимается не в либеральном ключе (как сумма граждан), а трактуется в этническом, биологическом, расистском смысле. По сути, речь идет о создании государства-этнуса, государства нацистского типа. По этому признаку доктрины русского этнонационализма весьма тесно смыкаются с корпусом нацистских идей Третьего Рейха. Автор делает вывод, что легитимация русского вопроса по такому сценарию представляет собой еще большую угрозу русской нации, чем либерально-этническая модель гражданского национализма. Первая, в идеале, ведет к превращению русских в государство-нацию западноевропейского образца, вторая же, почти наверняка, ввергает в хаос межэтнических конфликтов на построссийском пространстве.

Третья из рассматриваемых в параграфе моделей легитимации русского вопроса – имперский национализм – представляет собой проект, при котором этнические общности отчасти сохраняют традиционный безгосударственный образ жизни, встраиваясь в этническую иерархию своими элитными слоями, включаемыми в общеимперскую властную вертикаль. Все элементы государственности обеспечиваются ведущей этнической общностью, составляющей нацию, национальные меньшинства не включаются в нацию и не

ассимилируются. Диссертант аргументирует, что именно такая модель, сформулированная в XX веке целым спектром схожих идейных течений (консервативная революция, национал-большевизм, евразийство и др.), одинаково противоположенных доктринам гражданского и этнического национализма, исторически была характерна для русских. Вершина ценностной иерархии в рамках национал-имперского подхода занята нацией, понятой как сверхисторическое, надэтническое, органическое единство. Государство становится инструментом этого единства, могущим в зависимости от конкретных исторических условий принимать ту или иную форму (от монархии до республики, от демократии до диктатуры). Иными словами, сообразно ситуации консервативная революция допускает и национальную форму диктатуры (или чрезвычайного положения), отвечающую на вызовы времени и обстоятельства, грозящие существованию нации. Указанная трактовка позволяет в теоретическом плане обосновать возможность легитимации русского вопроса в современной России в формате новой империи. Конкретная государственно-правовая форма такой империи может быть, в принципе, любой, однако она должна обеспечивать воспроизводство и укрепление важнейших институционально-политических черт русского народа.

В третьем параграфе *«Политическая русофобия»* диссертант осуществляет структурно-функциональный анализ нигилистического проекта делегитимации русского вопроса, показывает его органическую связь с доктриной политической русофобии, исследует эволюцию указанных феноменов в условиях глобализации и Нового мирового порядка.

Автор отмечает, что наряду с теоретико-методологическими попытками найти адекватную формулу легитимации русского вопроса в современном российском политическом процессе в большом количестве встречаются работы, преследующие прямо противоположную цель – воспрепятствовать самой постановке подобного вопроса. Рассматриваемое явление получило название политической русофобии, благодаря одноименной книге И.Р. Шафаревича.

С содержательной точки зрения доктрина политической русофобии суммирует все важнейшие институционально-политические черты русского народа, однако дает им прямо противоположную, негативную оценку (например, вместо русского мессианства – «вселенская русская спесь», вместо идеократии – «рабская психо-

логия», «тоска по Хозяину», вместо сверхисточности – «бытие вне истории» и т.д.). По мнению диссертанта, русофобское осмысление русской национально-политической истории по многим параметрам значительно более последовательно, чем рефлексии (и фантазии) многих национал-патриотов, особенно этнонационалистического толка. В качестве примера автор приводит тезис русофобов о радикальной преемственности между всеми этапами российской истории («Сталин как русское явление»), что, как известно, составляет важнейший теоретико-методологический фундамент имперского национализма.

Русофобский дискурс сводит все многообразие путей модернизации постсоветской государственности к противопоставлению тоталитаризма, который заведомо осуждается и отвергается, и гражданского общества либерально-демократического типа. А раз русский народ в силу своей исторической специфики и самобытности не принимает либеральные западные вакцины, органически их либо отторгает, либо переваривает в национальном ключе, следовательно, единственный выход – это «оккупация» русского народа «лучшей частью человечества» для насильственного насаждения чуждых, но зато прогрессивных форм государственного и социального бытия по западным образцам. Все это позволяет автору сделать вывод, что доктрина политической русофобии представляет собой наиболее последовательную форму отрицания важнейших институционально-политических черт русского народа и направлена на делегитимацию русского вопроса.

Диссертант аргументирует, что политическая русофобия естественным образом связана с проектом гражданского национализма, является его негативным, разрушительным аспектом, связанным с девалоризацией российской самобытности и подготовкой страны к рецепции либеральных государственных и социокультурных форм. Верно и обратное утверждение: политическое устройство России как государства-нации по западному образцу есть единственно возможная позитивная программа, приемлемая идеологами русофобии. При этом всплески этнонационализма, причем в его наиболее вульгарных, примитивизированных, биологических формах, неизбежно провоцирующие межплеменные конфликты на постсоветском пространстве, играют только на руку русофобам, т.к. дискредитируют базовые институционально-политические черты рус-

ского народа, способствуют демонтажу последних атрибутов «имперскости» в России, означают скорейший переход к государству-нации по западному образцу

Для определения социально-политического базиса русофобии диссертант вслед за И. Р. Шафаревичем использует понятие «малого народа» (или антинарода), впервые введенное французским исследователем О. Кошеном. По мнению последнего, решающую роль в революционных трансформациях XVIII вв. играл специфический тип людей, сложившийся в философских обществах, академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Их специфика заключалась в том, что они жили в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: «малый народ» среди «большого народа». Прогрессивное мировоззрение первого строилось по принципу отрицания и обращения традиционных устоев второго. Диссертант помещает рассматриваемую проблему в более широкий философский контекст, что позволяет продемонстрировать органическую связь феномена «малого народа» с историческим утверждением либеральных доктрин. Если в парадигмальном ключе (К. Поппер, А. Г. Дугин) логика политической модернизации осмысливается как объективный процесс дезонтологизации и демифологизации традиционного общества в целях выхолащивания из него сакральных элементов и приведения к либеральной парадигме, то в социально-политическом контексте (О. Кошен, И. Р. Шафаревич) именно «малый народ» выполняет функцию носителя этих закономерностей, является механизмом реализации абстрактных трендов в конкретной социокультурной реальности.

Вопреки распространенному в литературе этническому подходу для характеристики антинарода, который в различных интерпретациях отождествляется с евреями, кавказцами или другими некоторыми национальностями, диссертант отстаивает противоположную мировоззренческую трактовку. В современных условиях и в планетарном масштабе «малый народ» не может быть локализован в какой-то одной этнической группе, так как его образует антинационально и космополитически настроенная часть политической элиты, антажированная особым мондиалистским мироощущением и предчувствием Нового мирового порядка под управлением транснациональных структур. Применительно к России подрывная деятельность «малого народа» направлена на осуществление в стране структурных преобразований в целях ее превращения в сырьевую

придасток западного мира. Это может быть равносильно как «духовной оккупации» (термин А. Янова) «большого народа» (русских), так и применению физического насилия и геноциду русского народа, то есть физической оккупации «малым народом» и «врагами», пусть несколько фигуральными, с Запада

Вторая глава «**Политическая институционализация русского вопроса в современной России**», состоящая из трех параграфов, посвящена коррелятивному анализу партийной институционализации русского вопроса в деятельности различных общественно-политических объединений современной России.

В первом параграфе «*Либерально-демократическая трансформация*» описывается взаимосвязь либерально-демократических преобразований в постсоветской России с учетом феномена русофобии на уровне политических элит и государственной конвенционализацией соответствующих ей моделей легитимации русского вопроса.

Автор начинает рассмотрение партийных форм институционализации русского вопроса в современном российском политическом процессе с осмысления произошедших в стране либерально-демократических трансформаций, так как именно этот мировоззренческий вектор в 1990-е гг. являлся определяющим при формировании политико-правового ландшафта постсоветского пространства. В сфере партстроительства указанная тенденция неразрывно связана с деятельностью, с одной стороны, Союза правых сил (СПС) и «Яблока» (крайне правые либерал-западники), а с другой стороны, партии власти – «Единой России» (центристы, национал-либералы).

Путем анализа программных и учредительных документов СПС и «Яблока», которые неоднократно выступали на выборах единых блоком, а также доктринальных работ их идеологов, диссертант показывает, что, расходясь в частности, они солидарны в главном – в отрицании важнейших институционально-политических черт русского народа, одновременно с утверждением радикального либерал-западничества, смыкающегося с доктриной политической русофобии. Будущее России в такой интерпретации видится в переориентации на либеральные политические и экономические ценности, демонтаже современной российской государственности с еще сохранившимися у нее имперскими атрибутами, в скорейшей интеграции в глобальное мировое сообщество. Соответственно, положительно

оцениваются только те элементы многогранного исторического наследия русского народа, которые можно охарактеризовать как «западничество».

Автор указывает, что «Яблоко», в отличие от СПС, декларирует необходимость создания в России мощного и действующего государственного механизма. Вместе с тем государство интересует «Яблоко» исключительно в качестве защитника либеральных ценностей гражданского общества, а не как политическое средство укрепления общенационального единства, инструмент народного духа. Схожий комплекс идей заложен и в проекте «либеральной империи» Чубайса-Гозмана, озвученном лидерами СПС и широко разрекламированном СМИ. Псевдоимперская форма в данном случае призвана легитимизировать и наполнить сакральным смыслом базовые либеральные ценности – «божественную природу частной собственности», парламентаризм, разделение властей и т.д. Называя Россию «либеральной империей» и «одной из великих демократий», А. Чубайс описывает ее как некое надгосударственное, аморфное (имперское) образование, контролируемое транснациональными корпорациями, которой эти высокие титулы присвоены в обмен на раздачу собственного национального достояния (природных, демографических, интеллектуальных, культурных и других ресурсов).

В духе политической русофобии либеральный проект предлагает элитам даже ценой насилия и государственного саморазрушения преодолеть восточную идентичность и отказаться от самобытности вопреки мнению подавляющего большинства населения. Одним из симптоматичных проявлений этого в идеологической сфере стала масштабная кампания по борьбе с так называемым «русским фашизмом», «новой русской правдой» (У. Лакер), организованная в середине 1990-х гг. Министерством юстиции РФ (П. Крашенинников) и медиа-группами ряда крупнейших олигархов того времени (Б. Березовский, В. Гусинский). Диссертант выводит эмпирическую закономерность, что агрессивная русофобия, как правило, сама прикрывается обвинениями в адрес русского народа в ксенофобии, шовинизме и даже фашизме, используя указанные термины вне какого-либо научного или исторического контекста, в десемантизированном виде, для манипулирования общественным сознанием. По меткому выражению И.Р. Шафаревича, «это очень тревожный симптом, потому что под крики о фашизме всегда били, бьют и, види-

мо, собираются бить именно русское национальное движение»³. Органическое единство идеологии либерал-западников с феноменом политической русофобии диссертант аргументирует еще и тем, что подавляющее большинство лидеров СПС и «Яблока» имеют устойчивые связи с глобальной инфраструктурой транснациональных корпораций, разделяют мировоззренческие основы мондиализма и других версий антинационального космополитизма, именно в них черпают вдохновение для модернизации России.

Более сложную и противоречивую модель либерально-демократических преобразований, не сопряженную напрямую с политической русофобией, автор видит в деятельности так называемых национал-либералов, институализированных центристской партией власти «Единая Россия». В ее программных документах в качестве приоритетных задач декларируется укрепление общенационального единства и исторической преемственности (патриотизм), создание сильного государства (державность, «государственничество»), однако при этом важнейшими социальными ценностями объявляются чисто либеральные доктрины – «права человека» (в их западном, нигилистическом толковании), гражданское общество, рынок. Выдвигая тезисы о самобытности страны, «Единая Россия» так и не предложила ни одного конкретного проекта, направленного на укрепление этой самой самобытности в практическом плане. В результате ее идеологическая платформа все больше дрейфует в сторону либеральной концепции государства, завуалированной национал-державной риторикой в стиле Г. Павловского, М. Леонтьева, М. Колера и других PR-технологов Администрации Президента. Доктринально такое положение дел зафиксировано в так называемой «формуле Путина»: сильная Россия – это патриотизм плюс либерализм. Этот гибрид в теоретическом плане требует модели, которая позволила бы объединить противоположные трактовки понятия нации (немецкую – в органическом смысле, и французскую – как гражданское общество), что по определению невозможно. Речь идет о каком-то временном компромиссе, отложенной проблеме, что на самом деле, зачастую, и скрывается за расплывчатым термином «россиянство». В долгосрочной перспективе такое положение дел неизбежно чревато расколом внут-

³ Шафаревич И.Р. Закон о фашизме // Записки русского экстремиста М., 2004. С. 158.

ри российского общества, потенциально несет в себе угрозу гражданской войны. Автор делает вывод, что радикальная версия либерал-западничества (СПС, «Яблоко») не противопоставлена либерал-национализму «партии власти» («Единая Россия»), а представляет собой ее оборотную сторону, в метафорическом плане сравнима с политической версией «листа Мебиуса».

Во втором параграфе *«Национально-патриотическая идентификация»* дается оценка различным формам партийной институционализации национал-патриотического движения в современной России, в которых при всем разнообразии просматриваются два концептуальных проекта – имперского и этнического национализмов.

Этнонациональную (Россия для русских!) модель легитимации русского вопроса отстаивают такие неравнозначные по своей численности, влиянию, юридическому статусу и известности общественно-политические объединения, как «Русское национальное единство» (РНЕ), Народная национальная партия (ННП), «Русская национальная социалистическая партия» (РНСП), Партия свободы (ПС), движение «скинхедов» (Московский скинлегион, «Кровь и честь», «Русская цель», «Русский кулак» и др.), неоязыческие формирования – Русское национально-освободительное движение (РНОД), Союз вenedов, Церковь Нави и многие другие. Как правило, для указанных групп характерно акцентирование крайнего русского этнонационализма в сочетании с антилиберальными и антисоветскими идеями, культом сильной государственности либо, напротив, политического и религиозного анархизма. В связи с этим они резко противопоставляют себя не только либералам, но и остальным национал-патриотам, стоящим на имперских, евразийских, наднациональных позициях. По целому ряду параметров идеология рассматриваемых групп схожа с базовыми установками национал-социалистической партии гитлеровской Германии. Некоторые лидеры этнонационалистов, например А. Баркашов (РНЕ), открыто идентифицируют себя с нацистами. Диссертант делает вывод, что указанные тренды, неизбежно провоцирующие межплеменные конфликты на постсоветском пространстве, безусловно, несут угрозу безопасности России и, как ни парадоксально, являются естественными союзниками политической русофобии, так как способствуют ослаблению и окончательному демонтажу российской государственности.

Альтернативная модель русского национализма в его имперской форме, по крайней мере, на уровне политических программ, достаточно четко просматривается у избирательного блока (партии) «Родина», его идейных предтеч, например, Международного конгресса русских общин (МКРО), Либерально-демократической партии (ЛДПР), Народной партии России (НПРФ). Национал-большевистской партии (НБП) и некоторых других. По мнению автора, постановка и разрешение русского вопроса у ЛДПР и НБП носит популистский и конъюнктурный характер, что во многом связано со спецификой их лидеров, в то время как НПРФ и особенно «Родина» последовательно декларируют и своими действиями способствуют учету важнейших институционально-политических черт русского народа при модернизации российской государственности. Идеология «Родины» основывается на неизбежности имперской формы управления для России, служащей ответом на экзистенциальные вызовы Нового мирового порядка. Для России имперская модель предполагает, что в центре государственного строительства стоит русская нация – единственный источник общегосударственной культуры, способной успешно конкурировать с культурами других цивилизаций и выстоять перед культурной экспансией ведущих мировых держав. Отказ от имперскости для России означает прекращение существования русской нации, а значит и обрушение российской государственности в целом, превращение территории некогда единой страны в «большие Балканы» (З. Бжезинский), где схлестнутся не только противоречивые интересы «удельных князьков», но и антагонистические устремления более мощных геополитических игроков. Диссертант отмечает, что такая интерпретация русского вопроса практически смыкается с правым крылом современного неоевразийства. И хотя между указанными течениями на уровне политического дискурса существует конфликт, его природа основана на традиции недоверия, исторически преследующего евразийцев, которых националисты постоянно подозревают в латентном космополитизме и интернационализме, а не на каких-то по настоящему существенных, парадигмальных противоречиях.

В третьем параграфе *«Евразийская интеграция этнонациональных интересов»* описываются основные формы и источники евразийского проекта в современном российском политическом процессе, показывается роль и место в нем русского вопроса, осуществляется типологизация «партийных» версий неоевразийства.

Евразийская интеграция этнонациональных интересов имеет несколько модификаций, среди которых доминирующее положение занимают общественно-политические объединения, идеология которых основана на легитимации русского вопроса по лекалам имперского национализма. Характерным примером такого подхода является Международное евразийское движение (МЕД), созданное в 2003 г. на базе партии «Евразия», возглавляемой известным российским мыслителем, основателем современного неоевразийства А.Г. Дутиным. Мировоззренческая платформа МЕД практически целиком основана на декларации важнейших институционально-политических черт русского народа, исходя из которых предлагается осуществить модернизацию российской государственности в национал-имперском ключе. Российская Федерация в ее нынешнем виде рассматривается как переходное образование в динамическом глобальном геополитическом процессе, результат деградации и развала более глобального политического образования, фрагмент империи, вырванный из целой картины. Либеральный проект превращения России в государство-нацию категорически отвергается, так как евразийцы считают его устаревшей формой организации пространств и народов, характерной для Западной Европы XV–XX вв. В современном мире существует два геополитических полюса – атлантизм и евразийство, – которые ведут планетарную дуэль. Центральное место России в континентальном ансамбле предопределяет евразийский характер ее внешней политики. В стратегическом плане Россия всегда являлась ядром континентального евразийского блока, системы государств, объединенных общей структурой безопасности. После падения СССР и роспуска стран Варшавского Договора атлантизм выиграл шедшую холодную войну и теперь стремится закрепить свою гегемонию в однополярном мире (мондиализм). Противоположный полюс хочет восстановить баланс, возродить многополярность в новой форме (евразийство). Поэтому для сопротивления глобализации на место существующих государств-наций должны прийти новые политические образования, сочетающие в себе стратегическое объединение больших континентальных пространств со сложной многомерной системой национальных, культурных и хозяйственных автономий внутри. Определенные черты такой организации пространств и народов евразийцы видят как в великих империях прошлого, так и в новейших политических струк-

турах (типа ЕС, ЕвразЭС, ОДКБ и др) Только путь нового имперо-строительства способен защитить русский, а вместе с ним и другие евразийские народы перед лицом глобализации, дать возможность довести до конца его историческую и цивилизационную миссию.

Диссертант замечает, что определенные элементы имперского (евразийского) национализма можно увидеть и в программных установках КПРФ, которая, идя по пути модернизации устаревшей идеологии, явно не отвечавшей постсоветским реалиям и новым историческим вызовам, восприняла многие важнейшие черты евразийства и национал-большевизма. На этом фоне разительный контраст составляют общественно-политические движения, в идеологию которых явно или латентно заложена пропаганда этнического либо религиозного интегризма, завуалированного евразийской риторикой. В отличие от ранее рассматриваемых модификаций евразийства, основанных на принципах имперского национализма (МЕД, КПРФ), в данном случае речь идет о специфических доктринах этнонационализма. В качестве характерного примера автор приводит «Евразийскую партию России» (А.В. Ниязов), спекулятивно эксплуатирувавшую евразийский дискурс для пропаганды панисламистских и пантюркистских идей, имеющих в своей основе этнорелигиозную и этнонациональную парадигмы.

В заключении диссертационной работы подводятся итоги проведенного исследования, формулируются общие выводы, оцениваются перспективы русского вопроса в политическом будущем России.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Беспалова Т.В., Соколов В.А. Русский вопрос: проблемы политико правовой институционализации // Философия права. 2004. № 3 (11). – 1,2/0,6 п.л.

2. Беспалова Т.В., Соколов В.А. Гражданско-правовая и этнокультурная идентификация русского вопроса в современном политическом процессе // Материалы диссертационных исследователей докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов. Часть I Ростов н/Д, 2004. – 0,7/0,4 п.л.

3. Соколов В.А. Политическое измерение русской национальной идентичности // Материалы диссертационных исследователей докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов. Часть I. Ростов н/Д, 2004. – 0,5 п.л.

Сдано в набор 20.09.2005. Подписано к печати 21.09.2005.
Формат 60х84/16. Объем 1,2 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать ризографная Бумага офсетная
Тираж 100 экз. Заказ № 116

Отпечатано в отделении оперативной полиграфии ОНиРИО
Ростовского юридического института МВД России
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко,

РПБ Русский фонд

2006-4

14966